

Даля Трускиновская

Перо Мнемозины

Даля Трускиновская Перо Мнемозины

авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164230

Аннотация

Усекновение памяти как передовой метод воспитания.

Даля Трускиновская

Перо Мнемозины

На монитор был вытащен брачный кодекс в изначальном варианте, с первой серией поправок и со второй серией поправок, а также с дополнительными постановлениями. Руслан гонял текст вверх-вниз, вправо-влево, сравнивал, даже прогнал через программу для отлова формальных логических ошибок. Получалось одно и то же – супруга от третьего и даже четвертого временного брака после рождения ребенка уравнивается в правах с супругой от второго постоянного брака, так что иск по поводу алиментов, увы, обречен на успех...

Что касается алиментов – то тут государство распорядилось мерзейшим образом. Если отец ребенка не в состоянии их платить – это обязательство берет на себя община, к которой он приписан, дитя и мамочка с голоду не помрут. Но! Но папуля становится чем-то вроде общинного раба. Формально он получает долгосрочную ссуду для выплачивания алиментов, а фактически – его определяют на рабочее место и строго следят, чтобы ни гроша медного не истратил выше прожиточного уровня, а в самых отчаянных случаях – денег на руки не дают, но кормят, поят и кое-как одевают.

Значит, нужно где-то раздобыть деньги, чтобы положить на счет Раисы. И хорошие деньги, будь они неладны...

Руслан откинулся на спинку стула. На мониторе, в синем окошке, мелькали цифры. Оплаченный им час работы подходил к концу.

– Добавку хочешь? – спросил Ильдар. – Могу дать десять минут.

Имелось в виду – по старой дружбе и в память былых заслуг Руслан получит десять минут машинного времени – за эти деньги же пирожок с морковкой купить можно!

– Это меня не спасет, – Руслан встал. – Послушай, ты не знаешь, где можно срочно заработать десять тысяч зеленых?

– Знаю, – тут же сказал Ильдар. – Пристегнись к куколке. Прямо сегодня.

– Тьфу! – только и ответил Руслан.

«Куколками» прозвали дам пост-бальзаковского возраста, постоянных посетительниц ночного клуба «Доллс», что, собственно, и значит «куклы». Два дня в неделю там предлагался мужской стриптиз – а сейчас как раз был мужской день, среда.

– Срочно, говоришь?

– Вот именно.

– А пятьсот тебя не спасут?

– А есть работка?

– Тут у меня агент «М» постоянно ошивается, всем уже осточертел.

Руслан задумался.

– Как ты считаешь, это все, что про них говорят, – правда?

Или байда?

– Я никак не считаю. Я с ними дела не имел и не собираюсь, – хмуро ответил Ильдар. – Я бы и тебе не советовал, но если положение безвыходное, если больше – никак...

– Безвыходное, – признался Руслан. – Моя студия, сам знаешь, накрылась. Мне за шесть клипов не заплатили. А Раисе рожать.

– Нашел с кем связываться.

– Да я и сам потом понял, что ей нужен не ребенок, а алименты. Ей же плевать, что я два месяца сижу на общинном пособии!

– Погоди... – Ильдар поспешил к большому монитору, на котором был план компьютерного зала, там уже ждал новый клиент. Усадив его в свободную ВИП-камеру, Ильдар вернулся и поманил за собой Руслана.

Они вышли в подсобку.

– Я как-то разговорился с одним донором. Он сказал так – конечно, пятьсот зеленых за такую вещь – гроши, но эти пятьсот ты получаешь сразу и без проблем. Еще вот что сказал – у некоторых головная боль бывает сильнейшая, но есть люди, которые вообще ничего не замечают.

– А сколько раз можно сдавать?

– По правилам – один, но если поладить с агентом – то два и даже три. Правда, там сложнее – сдаешь по чужим документам.

– А потом?

– Понятия не имею, – честно признался Ильдар. – Тот мужик говорил, что когда совсем избавился от головной боли, то никаких других неприятных ощущений не имел. Все, как прежде. Как если бы подстригся. Станешь ты, что ли, те волосы вспоминать?

– Этот твой мужик еще тысячу каждый месяц имеет за то, что дуракам лапшу на уши вешает! – взорвался Руслан. – Это же, это – такое вмешательство, такое, ну, я не знаю!...

– Вот-вот, не знаешь. И я не знаю. Но ведь тебя пятьсот все равно не спасут.

– Полторы тысячи... – и тут Руслан задумался.

Если внести полторы тысячи, можно уговорить Раису временно отозвать иск. Как там в кодексе – на полгода, что ли? Потом, если не достать денег, иск возобновляется и больше уже не отзывается никогда... Интересы ребенка – превыше всего!

Община занимала целый микрорайон на окраине Протасова. Конечно, можно было селиться и в других местах. Руслан вон жил у Старой пристани, где студия. Но семейные предпочитали держаться вместе. И там же, за автозаправкой, стояли мастерские, нарочно построенные для тех, кому община дала долгосрочную ссуду. Сколько Руслан помнил, пять или шесть раз мужчины просили: отпустите, я за границей заработаю эти деньги в десять раз быстрее! И получали ответ: там за тобой не уследишь, тут ты на виду, торопиться нам некуда и раньше надо было думать, дорогой.

Лучше сразу головой в петлю, чем в эти мастерские. Один пробовал сбежать. Поймали чуть ли не в Австралии и с позором вернули. Община – это не президент и не министры. Община – это такая сила, что карает и милует без всяких адвокатов и прокуроров.

За то, чтобы приняли в общину, Руслан пять лет назад заплатил семь тысяч зеленых, хотя половина родни там уже состояла и за него ручалась.

Теперь зато не поручился ни один...

* * *

Час спустя Руслан вспоминал этот разговор с Ильдаром, быстрый и тусклый, для Ильдара – легкое развлечение во время дежурства, для Руслана...

Когда же он принял решение?

Слово за словом и картинка за картинкой.

Спокойное сытое лицо одноклассника и даже – ни попытки изобразить интерес, вопрос лениво-ритуальный: «Срочно, говоришь?»

Такой же бесцветный ответ: «Вот именно».

Вопрос, в котором должно было просквозить желание помочь, но на самом деле не было и настоящего любопытства: «А пятьсот тебя не спасут?»

Ответный вопрос, исполненный безнадежности: «А есть работка?»

И слова, которых приличному человеку не говорят: «Тут у меня агент „М“ постоянно ошивается, всем уже осточертел».

Руслану стало интересно – когда же он понял, что готов принять предложение агента. А главное – когда это понял Ильдарчик? Из компьютерного зала он вышел, твердо зная – первого же, все равно, мужчина это или женщина, с маленьким золотым значком «М» на лацкане, он не пошлет подале, а вытерпит обязательную улыбку и профессиональную дружелюбность в голосе. И они пойдут вдвоем туда, где можно сесть и разложить на столе бумаги.

Как вышло, что агентов «М» невзлюбили, – никто не знал. Вернее, объяснить мог каждый, а вот знать – тут было сложнее.

Вообще люди в деловых костюмах, подходящие посреди улицы с предложениями, стали всем привычны, и народ даже разобрался, что из этих предложений действительно имеет смысл. Брат у распространителя французские духи – значит поддерживать польские нелегальные цеха, где разливают по флаконам разведенные экстракты, прибывшие чуть ли не из Бразилии. Брат кухонную технику – потом ее ни одна мастерская не починит. А вот детские игрушки были качественные. Всякая пищебумажность – ручки, блокноты, органайзеры, – тоже. Как ни странно, прижилась уличная страховка здоровья – на неделю, на месяц. Тут за прилипчивыми девушками в зеленых костюмчиках стоял сильный фармацевтический синдикат.

Первых агентов «М» приняли за шарлатанов. Подходит очень воспитанный человек и предлагает пятьсот зеленых за участие в эксперименте ученых-психологов, что тут еще можно подумать? От агентов шарахались. Но вскоре пошли слухи – да, это действительно вроде эксперимента, с согласившимся в приятной обстановке беседуют о всякой ерунде, после чего он просыпается с сильнейшей головной болью и деньгами в кармане. Головная боль держится несколько дольше, чем деньги, но недели через полторы и она проходит.

Некоторые женщины утверждали, что после сеанса обнаружили в себе беременность. Пресса, бумажная и электронная, страшно обрадовалась. Но это оказалось враньем.

На телеэкранах появилось несколько никому не известных пожилых мужчин, которых бегущая строка отрекламировала как профессоров и докторов наук. Эти господа объяснили, что у клиента в обмен на деньги забирается часть его детских воспоминаний. Воспоминания эти ему решительно никогда в жизни не пригодятся, а для ученых представляют немалый интерес. И дальше звучали всякие медицинские слова, которых ни один зритель не понял.

По простоте своей публика соотнесла это изъятие воспоминаний с недавним скандалом – группа врачей продавала органы еще не скончавшихся пациентов. Несколько агентов «М» были избиты.

Тут вмешались власти – и не только городские и област-

ные, а даже руководство общин. Оказалось, есть такая программа государственной важности, которой без детских воспоминаний – ну никак!

Тогда агентов оставили в покое, просто стали обходить их стороной. И останавливались в ответ на их призывы только те, у кого прореха в кошельке была совсем уж чудовищной.

Вот как у Руслана.

Он шел по улице, пытаясь понять: да где же тот миг, в который было принято решение? До того, как Ильдарчик пересказал впечатления донора, или после?

Если бы Руслан был уверен, что Ильдару можно доверять! Черноволосый и сладкоглазый ровесник был достойным членом общины – имел двух постоянных жен и ни одной временной, животик уже отрастил, двумя сыновьями мог похвастаться и доченькой. Младшая жена ходила беременная, ждала первенца. В какую-то минуту Ильдар вроде расслабился и решил, что достиг в жизни всего самого лучшего, так что карабкаться вверх – значит вредить здоровью и ровному настроению. Община дала ему рабочее место – не слишком денежное, но стабильное и без проблем. Фактически он был в доле – часть машин принадлежала ему. Но жены, дети и компьютеры вовсе не означали, что бывший одноклассник дал совет по-приятельски, без каких-то закулисных соображений. Все-таки его тесть – в совете общины...

Может быть, община просто хочет избавиться от Руслана? Сам-то он не встречал ни одного донора, чтобы узнать по-

дробности из первых рук. Может, потому, что люди скрывали свои контакты с агентами «М», может, по иным причинам.

А Ильдарчик вдруг взял да и разговорился с донором!

– Простите, – услышал Руслан. – Вы в затруднительном положении? Я бы мог вам помочь!

Он поднял глаза и увидел серьезное лицо лысоватого мужчины. Взгляд на лацкан – да, вот она сияет, золотая буква «М».

– Помогайте, – обреченно сказал Руслан.

* * *

Он не знал, что вспоминать детство – так легко.

Просто нужно сидеть и говорить, говорить, говорить...

Когда он вот так, почти лежа в удивительно удобном кресле, рассказывал о себе?

Похоже – никогда.

– По-моему, это была жестяная бабочка, на колесах и с палкой, чтобы катить ее перед собой, – говорил Руслан. – Я потом однажды видел такую, но та была пластмассовой, мы шли с Дилярой по парку, у нас кончилось совещание, вообще это был мозговой штурм, а в парке есть кафешка с горячими пирожками, нам еще нужно было возвращаться, вечером снимали два сюжета, а я обычно сижу, вдруг понадобится переписать диалог...

Тот, кто слушал всю эту ахинею, не возражал, не перебивал, Руслан только отмечал – что-то щелкнуло, что-то пискнуло. Сотрудник «М» работал с техникой.

Голове в мягком шлеме было удобно и даже приятно. Браслеты на руках совершенно не ощущались.

– Потом Диляре подарили такую бабочку, и она долго стояла на столе, потом ее отдали какому-то ребенку, кто-то привел на студию ребенка, девочку... Погодите, мне же нужно про детство... Еще я помню, как мы ловили на мелководье каких-то рыбешек, а рыбешки зарывались в песок и исчезали прямо на глазах. Это были такие полосы воды, вроде длинных луж, берег, потом вода, страшной глубины – сантиметров, наверно, десять, потом опять суша, и тогда уже началось море. В море нас одних не пускали, а в луже сидеть позволяли... мы еще рыли узкие колодцы и доставали оттуда синий песок... У него был запах... Такой, ну... вроде запаха гниения, но в нем была еще и свежесть...

Руслан замолчал.

– Вы больше ничего не хотели бы вспомнить? – спросил сотрудник «М».

– Если надо, я могу.

– Я бы вам советовал отдохнуть. Знаете, про нас рассказывают всякие ужасы – будто после нашего сеанса люди на всю жизнь получают головную боль. А таких случаев всего-то было четыре или пять, пока мы не научились контролировать состояние сосудов. Есть люди, которые могут ле-

жать в шлеме хоть неделю, а есть – которые выдерживают не больше десяти минут.

– Сколько я продержался?

– Пока – полчаса. Для первого раза достаточно. Вы сейчас пойдете в холл, там вам уже приготовили легкий ужин. Поболтаете с девочками, отдохнете, потом еще сюда на полчаса.

– Я все хотел спросить – почему можно сдавать вам все эти воспоминания только один раз?

– Ну, это совсем просто! – сотрудник «М», полноватый мужчина, отстегивавший шлем, даже тихо засмеялся. – Представьте себе радость исследователя, который получает два одинаковых материала, только под разными кодами! А ведь за них деньги плачены.

– А почему воспоминания изымают? Разве нельзя скопировать?

– Хороший вопрос... Вы хоть представляете себе, что у вас в голове хранится? Это – как если бы вы пришли в зоопарк посмотреть на медвежаток и оленят, а угодили в парк юрского периода.

– Это уж точно, – буркнул Руслан и сел.

– Есть воспоминания, которые как бы закуклились и спят. Наши сеансы их будят, и они потом из пассивного состояния любую минуту могут перейти в активное, – совсем по-простому объяснял сотрудник, одновременно работая компьютерной мышкой. – Вы очень хотите знать подробности ин-

тимных отношений своих родителей? Для нормального человека это – табу, но для человека с разбуженной памятью... ну, вы меня поняли...

– И вы их изымаете без разрешения?

– Да, – перестав посмеиваться, ответил сотрудник «М». – Потому что несем ответственность за психическое здоровье своих доноров. Мы могли бы держать это в тайне, но мы этого не скрываем. И, в конце концов, мы платим деньги. Представьте, что к вам пришел человек и сказал: я покупаю весь ваш парк юрского периода, все равно же вы им не пользуетесь и даже не подозреваете, что в нем делается.

– То есть, моего парка у меня больше нет? – уточнил Руслан.

– Сейчас скажу более точно...

Сотрудник «М» сел к монитору и погнал по экрану параллельные ряды цветных полос. Руслан через его плечо следил за мельтешением, но понять ничего не мог.

– Пока – два фрагмента. Один – вы, похоже, стали в очень раннем детстве свидетелем преступления. Другой – вам было года два с половиной, что ли, вас за что-то наказали...

– И я что – все это вспомнил? – Руслан твердо знал, что ни о каких преступлениях с наказаниями он лежа не говорил. – Как вы это определяете?

– Да вот же контрольные спектрограммы. Очень может быть, что специалист по чтению ауры определил бы это без всякой техники, просто грамотно задавая вопросы. Вот, и

вот, и обратите внимание на это чередование тонов... А если бы мы разбудили какое-то очень сильное эротическое воспоминание, вот в этой части графика была бы пульсация оранжевой и алой полосок. Не поверите – это бывает, когда докапываемся до первых месяцев жизни.

В комнату вошла молодая женщина. Сотрудник тут же встал.

– Не делай слишком большого перерыва, сегодня у нас еще два донора.

– Хорошо. А вот, погодите, сейчас найду... – он вызвал из машинной памяти картинку, где на черном фоне едва виднелись серебристо-серые нити, почти прямые. – Нарочно оставил. Это женщина в возрасте двух лет пережила клиническую смерть. Воспоминание сидит в таких глубинах подсознания, что сама она туда не заберется. Но если оно будет активизировано – последствия непредсказуемы, вплоть до сильнейшего припадка удушья... Скажите, мы имели право оставлять ей это воспоминание?

– Думаю, что нет, – совершенно не подумав, быстро ответил Руслан.

В сущности, объяснения его устроили. Пока все было очень логично.

Женщина отвела его в холл – там, в углу, было выгорожено маленькое кафе. Руслан получил ужин за счет фирмы и две таблетки, которые следовало запить зеленоватой жидкостью, вроде сильно разбавленного сока. Женщина осталась

рядом – взяла себе кофе с шоколадкой и присела за тот же столик.

– Я подумал – если сейчас отшифровать и записать то, что, что вам удалось из меня вытащить, то это будет не моя история, а история какого-то совсем другого человека, и я просто не узнаю себя, – сказал Руслан. – Это человек, который в детстве стал свидетелем преступления. Скажем, убили его родителей... И он всю жизнь помнит, что враг идет по его следу.

– Другой вариант – его родители кого-то убили, – подсказала женщина.

– Это уже интереснее. Комплекс вины, очевидно. На почве которого развивается мазохизм... – Руслан рассмеялся, но рассмеялся безрадостно. – Этому ребенку нужно, чтобы его по крайней мере дважды в неделю убивали. Затем... Затем его охватывает страх – он боится, что свидетели его мнимых смертей обо всем догадаются. И он начинает уничтожать свидетелей... Да, тут вы правы – это воспоминание не должно просыпаться, по крайней мере, просыпаться в человеке неподготовленном.

– Кем вы работаете? – спросила женщина.

– Уже не работаю. Моя студия скончалась.

– Клип-студия?

– Ну да. У меня на счету больше пятидесяти клипов. Я специалист по образным рядам и ассоциативным цепочкам. Я вам так покажу вид городской свалки, что вас охватит

непреодолимое желание пойти в салон и купить бриллиантовое кольцо. Но наш хозяин связался не с теми заказчиками.

– Что собираетесь делать? – женщина была так лаконична, будто готовилась стать мужчиной.

– Общине студия не нужна, так что я сейчас просто сижу на шее у общины и жду, что она для меня придумает... Просто сижу на шее! Как вы думаете, почему я тут оказался?

– Это я как раз понимаю, – женщина складывала хрусткую блестяшку сперва в узкую серебряную полоску, потом в кубик. – Я просто хотела убедиться, что вы свободны.

– Вам нужны агенты? – догадался Руслан. – Это несерьезно. Я не буду ходить по улицам и приставать к прохожим. Лучше уж общинные мастерские.

– Значит, на горизонте – мастерская? – сообразила она.

– Какое это имеет значение? – Руслан чувствовал, что вместо воспоминаний в нем разбудили агрессивность, и даже хотел, чтобы она вырвалась на свободу. Он слишком долго молчал о своих проблемах.

– Большое. Если бы вы просто находились в свободном поиске, я бы предложила вам оклад в полторы тысячи долларов плюс небольшие премиальные. Но вы в безвыходном положении и должны согласиться на тысячу двести.

– Столько у вас агенты получают?

– Агенты сидят на проценте, а это – оклад. Сейчас вы закончите сеанс, и я отведу вас к шефу, – сказала женщина. – Если договоритесь, покажу вам ваш кабинет и настрою ком-

пьютер. А если нет – добро пожаловать в общинную мастерскую.

* * *

Предложения бывают разные – так думал Руслан, – да, очень разные, и оттенок угрозы еще не значит, будто предложение неприемлемо...

Эта красивая женщина, не в меру серьезная, скорее всего, просто хвасталась своим деловитым цинизмом, циничной деловитостью, ну, надо же чем-то похвастаться... А лет ей примерно двадцать восемь. И приятно, что она не издевается над своими гладкими и тяжелыми волосами, а отрастила и собирает в лежащий на шее узел. И все это совершенно не соответствует легкомысленному имени Лали.

Он все время потихоньку поглядывал на нее в кабинете Шефа – довольно молодого для такой должности, ровесника, надо думать. Руслану предложили тут же сесть и написать CV, но сперва – список самых удачных работ. Пока он вспоминал свой трудовой путь, Шеф велел кому-то связаться с телестудией и перекинуть ему записи тех клипов, что сейчас в прокрутке. Одновременно Лали, сев к его компьютеру, искала клипы на рекламных сайтах заказчиков. Кое-что выудила, Шеф склонился над ней, они посмотрели незримый для Руслана и беззвучный клип, потом одновременно перевели на него взгляд и помолчали.

Ну, смотрите, – позволил Руслан, перед вами умное лицо профессионального интеллигента в неведомом поколении, умеющего фантазировать и не умеющего зарабатывать деньги. Особенно ты, Лали, смотри – вот человек, с которым женщине может быть очень хорошо вплоть до того момента, как встанет вопрос: на что будем кормить нашего ребенка?

Он не верил до тех пор, пока не подписал контракт.

– Поздравляю, – сказал Шеф. – Сейчас Лали познакомит вас с Тимуром. Работать будете в связке. Если все будет хорошо, через год вам поменяют партнера.

– А если плохо?

– Переведем в агенты. Подойдите поближе.

Он достал из стола значок, а Лали приколола его к свитеру Руслана. При этом возилась чуть дольше, чем полагалось бы.

Тимур сидел в просторном кабинете, где, кроме компьютеров, был еще и длиннейший стол, вроде тех, которые стоят в ателье у закройщиков.

Худой, отметил Руслан, очень худой, живой пример астеничного сложения, и явно что-то с желудком. А может, с печенью. Лицо неприятное, впрочем, еще неизвестно, каким этот Тимур видит Русланово лицо. Нет, понятно – небритым! Чего бы хорошего унаследовать от предков, но не эту щетину, которая растет со скоростью сантиметр в минуту!

– Давай, привыкай, – сказал Тимур. – Я тебе полку в шкафу освободил. Тут вообще-то неплохо. Будут предлагать абонемент на питание – не отказывайся. Шеф нашел хоро-

ших поваров.

– Тут много народа работает? – спросил Руслан.

– Все три верхних этажа – наши.

Руслан вспомнил, как задрал голову, когда агент привел его к многоэтажке. Здание основательное, коридоры длинные... это если за каждой дверью – по меньшей мере два человека?...

А ведь он мог бы работать здесь и раньше – когда на втором этаже была клипмейкерская студия. Потом ее место заняло издательство, выкупив право аренды за немалые деньги – издательству это было выгодно, потому что прямо к многоэтажке примыкала огромная типография, если смотреть с улицы – двухэтажная, но Руслан знал, что там просто высокие потолки – под огромные печатные машины-рондосеты.

– И послушайся доброго совета – переезжай в наш отель. Это он так считается – отель, на самом деле там живут постоянно.

– А зачем?

– Ты ведь подписку о неразглашении давал?

– Ну?

– Так в отеле разглашать некому, все – свои.

– А личная жизнь?

Тимур расхохотался.

– По-твоему, в отеле штаб-квартира полиции нравственности? Да живи с кем хочешь, лишь бы не во вред делу! Вот

уж это никого не касается.

– А если разболтаю?

Тимур вздохнул.

– Ты не забывай, где работаешь, – напомнил он. – И тёлочке твоей чистку проведут, и тебе – соответственно. И проснешься ты в общинных мастерских, дурак дураком... Погоди, не гоношись! Ты еще ничего такого не знаешь, чего можно разболтать!

Руслан отпустил дверную ручку.

– Я тебе еще раз говорю – тут не так уж плохо. И ты делаешь очень важное дело. Действительно важное – потом поймешь. Просто об этом не надо кричать на всех перекрестках. Помнишь, по телеку сюжет показывали – как террористы театр захватили?

– Помню.

– Там тут же перед театром дивизия журналистов образовалась. Серьезные люди приехали, спецназ подтянулся. Надо что-то делать, надо переговоры вести – и, помнишь, как они ход через подвалы искали? А пресса, мать ее, как только что-то краем уха услышит, так всей дивизией в мобилки орет: спецназ, мол, справа и сверху решили пустить! А террористы эти сообщения перехватывали... Сколько человек они там расстреляли, пока газ пустили? Это не у террористов на совести, это – у болтунов на совести, мать их так и перетак!

Тимур завелся всерьез, а когда выругался – вскочил и отошел к окну.

– Ты чего? – совсем нелепо спросил Руслан.

– Сестренку у меня там положили, двоюродную, я еще маленький был... Теперь – ясно? Я как слышу слово «фанатик» – у меня ширма задвигается... Поэтому я тут.

– Давай лучше объясняй, что делать надо, – помолчав, попросил Руслан.

Он полагал, что в рабочем процессе догадается, какая связь между фанатиками и буквой «М».

Тимур подошел к столу. Там лежали вразброс детские рисунки, фотографии, большие и маленькие, небольшие альбомчики, картонные игрушки, а также немалая куча игрушечного оружия и из яркого пластика, для самых маленьких, и черного, почти как настоящее.

– Сейчас я тебе текст дам. Прочитай и подбери к нему по ассоциации фактурку.

Он вывел на монитор текст, Руслан сел в кресло и принялся читать.

* * *

«Я помню, как залезла под лестницу и нашла там большую кучу еловых шишек. Теперь я понимаю, что их приготовили для растопки. Это для нас была дача, а кто-то там жил и зимой, топил печку... печку помню, мы как-то открыли ее и что-то туда спрятали, что-то очень важное, кажется, пистолеты и пистоны... Я не помню, наверно, Лешка их потом вы-

нул, я не вынимала... Лешка и Генка стащили мою куклу, потом мы с бабушкой всюду ее искали, вот почему я полезла под лестницу. Лешка был рыжий, говорили, что в деда. Генка был, как я, темненький, и выше Лешки. У него были вельветовые штаны и серая майка».

Текст делился на четкие фрагменты, этот был первый. Руслан прочитал и хмыкнул.

– Я уже начал работать, – сказал Тимур. – Так, что мы имеем? Кукла, пистолеты, пистоны, шишки, лестница. Ты давай делай список, все это понадобится. Ты привыкай – читаешь и тут же выписываешь.

«Там еще коза была, деревянный заборчик, лужайка и коза. По-моему, ее к чему-то привязывали. Бабушка не разрешала к ней подходить. Когда на выходные приехали родители, они привезли продукты, молоко, и бабушка сказала, что не нужно, что для меня она покупает козье. Но я его не помню. Я помню чернику в желтой эмалированной кружечке. Мы ходили в лес с кружечками. Однажды я шла, а рядом бежала по земле белка. Потом она забралась на сосну, и я ее больше не видела. Вспомнила – хозяйку звали тетя Маша».

– Вот, – Руслан протянул листок.

– Коза, веревка, колышек, сумка, кружечка, – вслух прочитал Тимур. – А сумка зачем?

– В ней продукты привозили.

– Ну, ладно. Сейчас я тебе покажу вербальный ряд квази-памяти по первому куску.

Он вывел на монитор текст, куда более долгий, чем тот, который исследовал Руслан.

«Летом меня вывозили на дачу в Петрушино. Дом был старый, деревянный, двухэтажный. Зимой второй этаж пустовал, на лето его сдавали. Там жили старики, мы их звали деда Костя и баба Надя. Они жили, как войти в дом, за дверью справа, еще была дверь в туалет и лестница наверх, к трем комнатам второго этажа. В гости к себе они не приглашали, и нам всегда было очень интересно – что там, за дверью. Лестница загибалась, и внизу подлезть под нее могли только мы – дети. Нас было трое – я и мои двоюродные братья, Лешка и Генка. Лешка был рыжий, говорили, что в деда. Генка был, как я, темненький, и выше Лешки. У него были вельветовые штаны и серая майка. За нами смотрела моя бабушка, Антонина Петровна. У нее был фотоаппарат, и она часто снимала нас троих...»

Дойдя до снимков, Руслан посмотрел на Тимура.

– Фотомонтаж, – ответил на взгляд Тимур. – Сам знаешь, это просто.

И взял со стола фотоальбомчик. Там на первых страницах был младенец во всех видах и ракурсах, голый и одетый, был годовалый ребенок с родителями (отец был подозрительно похож на Шефа), а затем – трое малышей на фоне забора и кустов, девочка и два мальчика, вооруженные игрушечными пистолетами.

«Мы осваивали дачу, как удивительный мир. Мы играли

в боевиков и в десант, и кусты вокруг дома были для нас джунглями. Из города мы привозили оружие – большие черные пистолеты и автоматы с трещалками, пластмассовые ножи и наручники, пистоны. Однажды летом мы подружились с дачниками из соседнего дома и все время с ними воевали. Мы придумали, будто они хотят украсть наше оружие, и стали делать тайники. Однажды мы открыли печку и спрятали пистолеты с пистонами там, а потом доставали и по уши перемазались в золе. Однажды Лешка вынул их сам, а нам с Генкой почему-то не сказал, мы пошли жаловаться к бабушке. Лешка решил, будто это я одна наядбедничала, и они с Генкой стянули мою куклу. У меня была дорогая кукла-десантник в камуфляжном комбинезоне, и я искала ее по всему дому. Потом бабушка заметила, что куклы нет, и догадалась, что она может быть под лестницей. Кукла лежала за кучей еловых шишек, приготовленных для растопки, и я, пока доставала ее, поцарапала руку».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.